

Музейный листок (прил. к Рос. муз. газете). - 2001. - № 2. - с. 3

"ЧАЙКОВСКОГО Я МНОГО РАЗ ВИДЕЛ..."

ИЗ МЕМУАРОВ А.Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРА

Вниманию читателей предлагается фрагмент мемуаров А.Б. Гольденвейзера о П.И. Чайковском. Александр Борисович приступил к созданию мемуаров, являющихся частью его литературного наследия, в конце 1930-х годов. Рукопись создавалась фрагментами, отрывками; одни эпизоды он диктовал, другие писал сам. Работа осталась незавершенной. Вдова А.Б. Гольденвейзера Елена Ивановна Гольденвейзер (1911-1998), руководившая работой Музея-квартиры 40 с лишним лет, и научный сотрудник музея Лариса Ильинична Липкина (1960-1994) готовили Мемуары к публикации в конце 1980-х - начале 1990-х годов. Ими были собраны воедино разрозненные фрагменты, восстановлена логическая связь событий, подготовлены комментарии и указатель имен.

Чайковского я много раз видел, так как он довольно часто наезжал в Москву из-за границы, и впоследствии, когда он поселился в Майданове, а затем в Клину, в Москву приезжал он еще чаще; бывал в консерватории, в концертах. Его облик был полон обаяния. Петр Ильич всегда необыкновенно просто, но вместе с тем изящно одевался (часто носил бархатный пиджак). От всего его внешнего вида веяло каким-то врожденным благородством. В то же время, Чайковский держался чрезвычайно просто и ни в какой мере не драпировался в "знаменитость".

Я много раз слышал Чайковского в качестве дирижера. Чаще он исполнял собственные произведения, но иногда и произведения других композиторов, в том числе однажды Девятую симфонию Л. ван Бетховена. Из его собственных сочинений я хорошо помню исполнение "Франчески да Римини", "Бури", Пятой симфонии, Третьей сюиты, "Моцартианы", увертюры "Гамлет", Первого фортепианного концерта в исполнении А.И. Зилоти, сюиты из "Шелкунчика". Кроме того, под его управлением я слышал "Евгения Онегина" в Частной опере. Я уже говорил о курьезном случае, когда он играл на кастаньетках в "Испанском каприччио" Н.А. Римского-Корсакова.

Чайковский не был выдающимся дирижером и не обладал большим техническим дирижерским мастерством. Кроме того, он, из-за своей нервности, панически волновался во время исполнения, что серьезно мешало его дирижированию. Техническое несовершенство Петра Ильича-дирижера во многом ступенькалось тем, что оркестр в Москве (а я слышал дирижирование Чайковского только в Москве) относился к нему с большой любовью и уважением, всячески старался играть хорошо и помогал ему.

Паническая робость, которая нападала на Чайковского, когда ему нужно было дирижировать, отчасти была причиной почти небывалого скандала, который случился с ним в Вене, хотя основная причина этого случая коренилась не только в этой робости. Чайковский должен был дирижировать в Вене симфоническим концертом. Венский оркестр знал и любил его, разумеется, не так как московский. На репетициях дело не очень ладилось. У Чайковского были недоразумения не только с руководителями концерта, но и с оркестровыми музыкантами, которые недостаточно серьезно и добросовестно отнеслись к своей задаче. Имя Чайковского среди широкой публики Вены было в то время уже достаточно популярным, и билеты были заблаговременно все проданы. После генеральной репетиции, которая совершенно не удовлетворила Пет-

ра Ильича, он, после долгих и тяжелых колебаний, с ближайшим поездом уехал в Россию, о чем послал с дороги устроителям концерта телеграмму.

И все же в дирижировании Чайковского было большое обаяние. Обаяние это заключалось, главным образом, в естественности, простоте исполнения. Тут не было ничего надуманного, никакой погони за внешним эффектом. Эта простота, хотя и делала его исполнение, может быть, менее ярким и впечатляющим для широкой аудитории, заключала в себе много пленительного, о чем я теперь вспоминаю и что теперь, в старости, я ретроспективно переживаю гораздо глубже, чем в те годы, когда я его слышал. Одно из ярких воспоминаний юности - первое представление "Пиковой дамы" в Москве. Троих своих учеников - С.В. Рахманинова, Л.А. Максимова и меня пригласил в свою ложу Зилоти. Впечатление "Пиковая дама" с первого же раза произвела чрезвычайно сильное. Познакомиться с оперой нам удалось еще до представления, так как корректурный экземпляр клавирауслуга "Пиковой дамы" с пометками самого Чайковского и еще не вышедшей из печати, нам дал Зилоти.

К своим произведениям Чайковский относился строго. Степан Васильевич Смоленский рассказывал, как во время приезда Петра Ильича в Москву, в Синодальном училище устраивалось обычно для него исполнение хоровых произведений. Однажды, сидя на таком концерте рядом со Смоленским, Чайковский, во время исполнения одного из церковных песнопений, обратился к нему с вопросом: "Что это за дрянь?" А исполнялось - то песнопение самого Чайковского. Забыл ли он его (песнопение было не из известной Литургии или Всенощной), или просто оно было ему неприятно - не знаю. Степан Васильевич рассказывал мне, что ему было чрезвычайно трудно и неловко сказать Петру Ильичу, что это его сочинение.

Странно складывается судьба у многих произведений. Так, Пятая симфония Чайковского при первом исполнении под управлением автора, впрочем так же, как и Шестая, не имела большого успеха, и музыкантами была признана малоудачной. Только несколько лет спустя, уже после смерти Чайковского, когда в Москву приехал А. Никиш и сыграл эту симфонию (ставшую одним из лучших его исполнительских достижений), все почувствовали, какое это замечательное произведение. С тех пор Пятая симфония стала одним из наиболее популярных произведений Петра Ильича.

Расскажу еще один случай. Незадолго до смерти Чайковский сочинил симфоническую поэму "Воевода" на одноименное стихотворение Пушкина (из А. Мицкевича). Я присутствовал и на репетиции, и на концерте, когда она исполнялась. Это был один из концертов А. Зилоти в Москве уже после его ухода из консерватории. И на концерте, и на репетиции что-то не ладилось. Чайковскому не нравилась звучность бас-кларнета, который он своеобразно применил в этой вещи. Он кривился и был явно недоволен тем, как звучит поэма. Не ладилось что-то и в исполнении "Серенады" А.К. Глазунова, которую играл А.А. Брандуков. Чайковский был явно не в духе. После концерта Петр Ильич спросил у С.И. Танеева, которого он чрезвычайно высоко ставил как музыканта, его мнение по поводу "Воеводы". Танеев, который не умел кривить душой, открыто сказал, что это произведение ему не понравилось. Чай-

ковский и сам был недоволен и, придя к себе в номер, сжег в камине партитуру "Воеводы".

После смерти Чайковского Зилоти, который предусмотрительно сохранил оркестровые голоса "Воеводы", восстановил по ним партитуру, и она была напечатана в издательстве М.П. Беляева. Однажды, когда я был у Сергея Ивановича Танеева, ему принесли с почты бандероль с вышедшей из печати партитурой "Воеводы". Сергей Иванович предложил мне сыграть с ним по партитуре "Воеводу" в 4 руки. Мы сели и сыграли эту вещь, и оба были поражены ее чудесными достоинствами. Мы ее проиграли несколько раз. С одной стороны, Сергей Иванович был восхищен красотами этого произведения, с другой - ему было чрезвычайно тяжело вспомнить, что, из-за его неблагоприятного отзыва Чайковский "Воеводу" уничтожил. Танеев пережил, вероятно, в связи с этим тяжелые минуты.

Довелось мне познакомиться с Чайковским и лично. К сожалению, знакомство это пришлось только перед самой его смертью, осенью 1893 года. Чайковский из Клина приехал в Москву, если не ошибаюсь, на похороны Н.С. Зверева. Из Москвы он должен был ехать в Петербург на первое исполнение (под его управлением) только что им законченной Шестой симфонии. Чайковский пришел в консерваторию, зашел в класс Танеева, у которого я в то время занимался фугой. В классе нас было трое: я, Григорий Алчевский и ученица Мария Мальковская. Танеев показал Петру Ильичу наши работы. Далее Сергей Иванович сказал нам, что Чайковский согласился с будущего учебного года заниматься с перешедшими в класс свободного сочинения учениками с тем условием, чтобы они свои работы посылали ему в Клин, а иногда приезжали к нему туда и занимались под его руководством. Мы были очень счастливы перспективой заниматься с Чайковским, которого боготворили. Танеев нас с ним познакомил. После этого урока все поднялись в зал, где для Петра Ильича было дано маленькое ученическое "утро". Помню, органист М.А. Морозов сыграл до минорную Прелюдию и фугу И.С. Баха. Ученики Е.А. Лавровской исполнили недавно написанный вокальный квартет Чайковского на музыку, заимствованную из фантазии В.А. Моцарта. Это было первое исполнение нового произведения и единственное, которое слышал Чайковский. Что еще было - не помню.

В тот же день Чайковский уехал в Петербург и, как известно, через несколько дней после исполнения Шестой симфонии скончался от холеры. О болезни Чайковского мы узнали в симфоническом концерте, в котором принимал участие превосходный английский баритон Э. Удэн. И тут я в очередной раз думаю, как странно иногда переплетаются жизненные пути. Этого певца Чайковский слышал в Лондоне, пришел от него в восторг и рекомендовал РМО пригласить его для участия в симфонических концертах, что и было сделано. Это был совершенно изумительный певец с чудесным голосом, который пел одинаково хорошо на разных языках. При исполнении на "бис", Удэн сам себе аккомпанировал на фортепиано. Впечатление от его голоса, от исполнения, от внешнего облика было несравненно. Удэн благоговейно относился к Петру Ильичу, он пел в Москве и потом должен был поехать в Петербург. Но в Петербурге он попал на похороны Чайковского. Вернувшись в Англию, он роковым образом скоро и сам умер от какой-то острой болезни.